

Полина
Крайнова

НЕ СОВСЕМ ТАК

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *А. Гартова*

Крайнова, Полина Олеговна.

К77 Не совсем так : роман / Полина Крайнова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-231848-1

Кате было девятнадцать, когда в ее жизни появился Ян — дьявольски обаятельный и трагически несчастный. Именно он увидел в ней ту самую единственную и стал ее воздухом и смыслом. Но чтобы дышать этим воздухом, Кате приходится подстраиваться, угадывать его настроение и делать себя удобной.

Катя не замечает трещины в истории Яна, лишь бы чувствовать себя нужной. Вот только найдет ли она в себе силы разбить иллюзию, выстроенную для нее кем-то другим?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231848-1

© Крайнова П., текст, 2026
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2026

Посвящается

*всем девочкам,
сколько бы им ни было лет,
которые ещё там.
Вы важные и ценные просто так.*

Предисловие

Эта книжка была написана как эксперимент по выворачиванию наизнанку девятнадцатилетней девочки (не какой-то конкретной, особенной, а собирательной, каждой, сколько бы ей ни было лет — девятнадцать, двадцать четыре или тридцать семь), которая готова закрывать себе глаза и уши, затыкать рот, прятать руки и желания в карманы, лишь бы заслужить любовь.

Только вот если любовь надо заслуживать, то это не любовь.

А ещё эта книжка — предостережение. Если кажется, будто что-то не совсем так, — вам не кажется. Нас с вами учили, что нужно не обращать внимания на мнение других людей. Но это тоже не совсем верно. Нынешних детей учат, что бывают секреты хорошие, а бывают плохие — это те, которые хочется сохранить из-за стыда, обиды, страха. Именно такими секретами особенно важно с кем-то поделиться и услышать мнение со стороны.

Для того чтобы начать выбираться, нужно начать говорить.

Пролог

Его могли бы звать Серафим. Что-то такое до фига высокодуховное. Вряд ли Лёша или Миша — слишком просто, плоско, плотско.

Он мог бы представляться Львом или Эдуардом, не позволяя — как и многое другое — называть его коротким, сокращающим дистанцию именем.

Но представлялся он Яном Цвайгером.

Всей своей свите, напротив, давал короткие, собственные имена — имена собственные. Чтобы не повторялись — никаких Насть, Тань — в этом нет ничего красивого, ничего особенного. Его окружали Гас, Скро, Чеки, Колокольчик, Пудель — чаще всего сокращения или производные от фамилий. Мальчика, который жил у него до меня, он называл Илюша. Илюшу звали Виталиком, но он звал Илюшу Илюшей — от фамилии, Ильин.

А его звали Ян. Ян Александрович.

«Многое позволял» — вообще-то, означает много свободы. Например, папа мне многое позволял (когда мама не видела). *Многое* позволял.

Но может быть и наоборот. Он — многое *позволял*. Не как равный, не по умолчанию. А именно *позволял*.

А значит, многое и не позволял.

Первый раз он дал мне пощёчину ещё в октябре.

— Можно тебя спросить?

— Давай договоримся раз и навсегда: ты можешь спрашивать меня о чём угодно, но можешь и пойти на хуй, если плохо перед этим подумаешь, — виртуозно!

Он говорит совершенно безапелляционно, подчеркнуто чётко, но при этом улыбается мне так, как будто бы готов всю душу излить, только тазики подставляй.

Он сидит на пассажирском и стряхивает пепел в щёлочку приоткрытого окна. Холодный вечер тёплого дня, пустой двор, жёлтые фонари, обесцвечивающие жёлтые листья до мрачного коричневого, а мою золотую машинку — обратно до унылого жёлтого. Ветрено и беспокойно деревьям, по трепещущим веточкам бегают мыши и кочуют монстры. Отчего-то понятно, что дождя не будет.

— Вопросы? — По его взгляду непонятно, приглашение это или угроза. Свет фонаря проходит косой полосой по его лицу, высвечивая ту маленькую полосочку на его щеке, которая меня так интересует. Он такой красивый сейчас, и всё это будто кадр из фильма, всё так важно, так тягуче-сладостно, так девятнадцатилетне! Конечно, у меня есть вопросы, у меня одни только вопросы! Ну и ещё желания.

— Откуда он у тебя? — Я тянусь рукой к его щеке, очевидно шершавой: прижаться бы, поцарапаться бы, покраснеть, смущённо кутаться в капюшон с утра на парах. Уже больше месяца разглядываю и разгадываю эту щёку, щупаю мысленно этот шрамик и всё не решаюсь — ни спросить, ни поцеловать.

Он перехватывает мою руку и берёт за запястье, даже не всей рукой, а только пальцами, кольцом, наручником, но туже и крепче, чем я могла бы ожидать:

— Никогда не прикасайся к моему лицу, ясно?

Секунды три мы оба не шевелимся и даже не дышим. Он — выдерживая воспитательную паузу. Я — ища, куда бы спрятать навсегда этот позор. А потом он брезгливо, как испорченное яблоко, откидывает мою руку и так же внезапно меняет тон на издевательски весёлый:

— Видела, как этот тощий мальчик смотрел на тебя сегодня? Честно говоря, я уже было собрался играть роль ревнивого супруга.

Видела. Видела, до чего другие у тебя на меня планы.

Лучше бы это была настоящая пощёчина.

Глубоко выдыхаю и подхватываю его тон:

— Что же не сыграл-то?

— Ну зачем нам эти спойлеры, успеем ещё. — Последние два слова он договаривает, отвернувшись к оконной пепельной щели, уже совсем буднично. Точно напомнил купить молока, а не пообещал жениться! И становится снова тепло, и хорошо, и весело, и немножечко стыдно за себя, нетерпеливую.

Вот уж что ему нужно от меня — так это терпение.

Глава 1

Самая большая загадка, конечно, с врачами. Сколько лет они там учатся? Десять? Пятнадцать? Чтобы потом жить даже не на зарплату, а на то, что называют «благодарностями». Взятки за то, чтобы ты не нахамил и хорошо сделал свою работу.

И ладно бы какую-то приятную работу — рисовать картины, фотографировать людей, снимать кино. Хотя бы там еду готовить, деревья сажать. Да ладно бы даже в офисе сидеть, переписывать бумажки от руки, считать проценты в калькуляторе, пить чай по полчасу. Но не трогать больных людей.

Гнойники, кровь, вонь, какашки, психи, старики... Окулист ещё куда ни шло, вроде он даже за лицо не трогает сейчас, только смотрит через свои эти аппаратики. Хотя, когда лампочкой светит, всё равно прижимается близко, пахнет.

Но и тут тоже. Пять лет обучения... Чему? Тому, чему нас самих научили десять лет назад? $2+2=4$. $4+6=10$. Буквы бывают гласные и согласные. Несогласных обычно не бывает. Вести себя надо хорошо.

Самое веселье, конечно, если ещё труд классному руководителю отдадут. И сидишь тогда до скончания

ПОЛИНА КРАЙНОВА

века, показываешь им, куда приклеить кленовые листочки, а куда дубовые.

У врачей их «благодарности» хотя бы размазаны во времени, всесезонны. А тут на первое сентября букетов столько, что за неделю не перетаскать домой, ну и, если повезёт, — на День учителя. Вот дарили бы они по одному букету в месяц... А ещё лучше — наличными.

Это, наверное, не совсем то, о чём стоит думать перед кабинетом директора.

Директора со смешной фамилией.

О чём тоже лучше не думать прямо перед собеседованием.

Из кабинета выходит неожиданно молодая для школы девушка, хлопает дверью, но не смущается, а весело мне подмигивает и уходит, немножко покачиваясь на огромных каблуках. Англичанка, наверное. Вот это, конечно, самое обидное в школе, самое! Старухи одни. Как будто бы берут сюда только после наступления климакса.

— Камарова?

— Да-да, это я!

— Заходите.

Секретарша? Завуч? Любовница? Блондиночка убегает куда-то сквозь двери в шкафу — волшебная география директорского кабинета. От неё остаётся ядрёный запах духов и папочка с моим резюме.

— На куратора продлёнки? — Директор Муравей раскрывает папочку, я киваю.

Щёки у него как у породистого бульдога: гравитация испытывает к ним особую симпатию. Настойчивые позолоченные часы на руке, наверное, призваны переблестеть лысину. У него на столе, конечно, есть эта штучка, которая постукивает крайними шариками, демонстрируя какой-то там физический закон. Линолеум на полу сложен будто из обрезков: пять, нет, даже шесть отдельных кусков, мучительно не стыкующихся узором.

Пахучая блондиночка снова появляется из шкафа с чашкой очевидно растворимого кофе. Уже открываю рот, чтобы отказаться, но вовремя закрываю: это не мне, конечно.

— Ну то есть педагогического опыта у вас ноль? — Интересно, после такой формулировки вообще есть смысл продолжать разговор? Расправляю плечи и думаю почему-то о медведях. Где-то, что ли, я читала, что при встрече с медведем надо взять в руки что-нибудь, поднять, сделаться больше. Бежать надо под гору, у медведя коротенькие ручки, ему неудобно. А у этого дядьки ручки волосатые. Можно мне просто убежать?

— Я работала репетитором с...

— Это я вижу.

Ой, ну чего же мы тянем-то, чего мы теряем время? Оставь себе папочку, отпусти меня, старче, выполню три желания!

Но он что-то продолжает высматривать в моём коротеньком резюме. Ненавижу запах кофе. Я английский-то не выучила потому, что он всегда был первым